

первая среди лучших

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

ТАТЬЯНА Устинова

На одном дыхании!

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У 80

Оформление серии *С. Груздева*

В оформлении книги использован шрифт
«Клементина» © «Студия Артемия Лебедева»

Устинова Т. В.

У 80 На одном дыхании! : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-78696-1

Жил-был Владимир Разлогов — благополучный, уверенный в себе, успешный, очень любящий свою собаку и не очень — супругу Глафиру. А где-то рядом все время был другой человек, знающий, что рано или поздно Разлогову придется расплатиться по счетам! По каким?.. За что?..

Преступление совершается, и в него может быть замешан кто угодно — бывшая жена, любовница, заместитель, секретарша!.. Времени, чтобы разобраться, почти нет. И расследование следует провести на одном дыхании, а это ох как сложно...

Почти невозможно!

Оставшись одна, не слишком любимая Разловым супругу Глафира пытается выяснить, кто виноват. Получается, что виноват во всем сам Разлогов. Слишком много тайн оказалось у него за спиной, слишком много теней, о которых Глафира даже не подозревала!.. Но она сделает почти невозможное — откроет все тайны и вытащит на свет все тени до одной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78696-1

*Посвящается Элине Авдошиной,
только что сделавшей огромное
и очень важное дело*

...И все это время
Они продолжали друг друга любить.

...
Так жили они до последнего мига,
Несчастные дети несчастного мира,
Который и рад бы счастливее стать —
Да все не умеет: то бури, то драки,
То придурь влюбленных...

и все это время...

О, Господи Боже, да толку-то что?!

Дм. Быков «Вторая баллада»

*Время было рассчитано по минутам, и события
тоже. Самое главное, чтобы все пошло, как запла-
нировано, без отклонений от графика.*

*Смешное слово — «график»!.. Какое-то школьное
или, может, институтское, общежитское — «Гра-
фик дежурств по комнате», и листочек криво при-
шпилен к двери, расчерчен синей ручкой, и написано
торопливо «пон», «ср», «птн».*

*По «вт» и «четв», а заодно и по субботам с вос-
кресеньями уборка помещения, стало быть, не прово-
дится!*

*Смешное слово «график», особенно когда это гра-
фик убийства. Смерть должна прийти в соответ-
ствии с графиком.*

*Время было рассчитано, и действия были рассчи-
таны, и осталось только... уложиться в расписание.*

Поначалу все удавалось — до минуты, до шага.

*В середине дня вдруг оказалось, что предстоящее
дело очень страшное. Такое страшное, что это поч-
ти невозможно вынести.*

Следовало приказать себе не думать, но не получалось, не получалось никак!..

Он постоянно лгал, обманывал, а за ложь, особенно за такую, которую нагромоздил он, всегда приходится платить.

Впрочем, это его фраза — рано или поздно придется расплачиваться по счетам, так что лучше их не копить.

Ты накопил столько счетов, что придется расплатиться жизнью. Никакая другая валюта не принимается.

Нужно приказать себе не думать, как бы перескочить через сегодняшний день и жить уже в завтрашнем, когда все самое страшное будет далеко позади. Далеко-далеко, неотчетливо, туманно, как расплываются в сияющем морском мареве уходящие тучи вчерашней грозы.

Завтра все встанет на свои места. А сегодня... сегодня просто день, когда платят по счетам.

Но мозг как будто заело.

Раз за разом он бешено рисовал картины — чудовищные, ужасные, от которых сразу начинало тошнить, выворачивать наизнанку.

Голова, разлетевшиеся кости, пороховая синева на виске, открытый рот, запавшие глаза.

Разрезанное горло, лужа черной крови, скрюченные пальцы с обломанными в агонии ногтями.

Нет. Нет. Нет.

Ничего этого не будет и быть не может.

Будет идеальное убийство, элегантное, простое и ненаказуемое, как в детективном романе, которых перечитано десятки, сотни!.. Попадаете только недалекий, тупой, неаккуратный мясник-убийца. Умный, хитрый, расчетливый мститель не попадаете никогда!

Недаром составлен график, в котором не может и не должно быть сбоев!..

График сбился в середине дня, а мозг все взрывался бешеными картинками. Сквозь огненные камни, оставшиеся после взрывов, стала просачиваться холодная вода животного страха.

Может, все отменить?..

Или хотя бы отложить?..

Пусть ненадолго, пусть только на сегодня, на один день, один крохотный денечек! Потому что сегодня последний день, который можно прожить... не убийцей.

Завтра, послезавтра — и всегда! — придется жить убийцей.

Вот каково это, жить убийцей?

Завтра узнаешь. Завтра почувствуешь. Завтра поймешь.

Заглянуть за эту дверь никак нельзя, она не открывается, как потайная комната Синей Бороды. Эту дверь можно открыть, войти, закрыть ее за собой — и никогда не вернуться обратно.

Отступить нельзя. Все приготовлено, спланировано — и неизвестно, удастся ли все так подгадать в следующий раз.

Огненные камни, ворочающиеся в мозгу, — ерунда, обыкновенный истерический припадок.

Ему просто придется заплатить по счетам.

Самое смешное, что все почти сорвалось!

Из-за чепухи, малой малости идеальное убийство оказалось под угрозой.

Зануда-гаишник в нелепо сидевшей на круглой голове фуражке долго вертел в руках документы, рассматривал так и сяк, потом потребовал страховку и ее тоже вертел и рассматривал.

Он не знал, что из-за его тупоумной медлительности, из-за того, что он никак не сообразит, к чему бы придаться, может все рухнуть! Вся жизнь!

Вся жизнь — и вся тщательно продуманная смерть.

Нельзя было спорить с гаишником, приходилось

улыбаться и кивать, а он все тянул и тянул, и драгоценное время все уходило!..

Но, должно быть, этот день был назначен неспроста. День расплаты по счетам.

Потому что, когда гаишник наконец сунул в окно документы, неразборчиво пробормотал нечто среднее между «Счастливого пути» и «Пойдите вы все к чертовой матери» и машина получила свободу, оказалось, что время еще не ушло, план все еще может быть выполнен!

Все было продумано заранее — как подъехать, где поставить машину, как сделать так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Никто и не заподозрил.

Из-за тупого гаишника пришлось торопиться, чтобы все было готово вовремя, и все было готово.

В окно было видно, как он приехал, оглянулся, очевидно, в поисках собаки. Он ее очень любил и доверял ей больше, чем людям.

Впрочем, с собаками он всегда был нежен.

Он вошел, стащил пиджак, привычно бросил его куда-то вправо — ему было удобно туда бросать, вот он и бросил. Ему никогда и в голову не приходило, что пиджак вполне можно убрать «на место», а не швырять невесть куда, что какие-то другие люди, а вовсе не он сам, должны думать о его вещах, документах, ключах от машины. Впрочем, считаться с окружающими его людьми ему тоже в голову не приходило.

Пожалуй, он вообще не догадывался, что они существуют.

Телефон зазвонил, и он досадливо полез туда, где тот звонил, долго рылся, вытащил наконец трубку, посмотрел и не стал отвечать.

Пока все идет так, как нужно. Теперь самое главное сдать и довести дело до конца.

Он вошел в комнату, сдирая с шеи нелепый модный

розовый галстук — нужно говорить не «розовый», а «цвета лососины», — взял с обычного места телевизионный пульт. Квадратная, гладкая и огромная, как каток, поверхность телевизора налилась голубым светом, который моментально трансформировался в мечущихся и орущих людей, играющих в мяч.

Телеканал «Спорт», конечно же!..

Сейчас он повернет за угол и...

Он повернул, поднял глаза в длинных, прямых угольно-черных ресницах.

Погибель, а не глаза.

Погибель, погибель...

Кажется, он даже не слишком удивился. Кажется, он даже обрадовался.

— Привет! — сказал он. — Хорошо, что ты здесь. Нам как раз поговорить бы надо.

— ...внезапная смерть тридцативосьмилетнего Владимира Разлогова полностью парализовала деятельность компании «Эксимер», — бойко говорила в телевизоре красотка Катя Андреева. — Владимир Разлогов, возглавлявший «Эксимер» последние четыре года, скончался на минувшей неделе от сердечного приступа у себя на даче. Напомню, что «Эксимер» объединяет несколько химических предприятий, выпускающих продукцию, в том числе и стратегического назначения...

Глафира нащарила пульт и выключила звук. Красотка Андреева продолжала что-то говорить, но, слава богу, уже неслышно.

Глафира посмотрела сначала в пол, а потом на стену. И пол, и стена были обыкновенные, привычные.

Владимир Разлогов, о смерти которого сообщили в новостях, приходился ей мужем.

Посмотрев в стену еще немного, она поднялась

и, по-старушечьи шаркая ногами, вышла на террасу.

Осень шаталась по саду, путалась в деревьях, шуршала листьями. Лужи на дорожках морщились от ветра. Гамак, который позабыли снять, качался между соснами, то появляясь, то пропадая, как привидение.

Если бы не случилось несчастья с Владимиром Разлоговым, гамак бы уже убрали и лужи разогнали с дорожек.

Глафира постояла немного, морщась от ветра — как лужа! — спустилась со ступенек и пошла.

Ноги в золотистых, легкомысленных, изящных и черт знает каких шлепанцах моментально вымокли. От холода Глафира поджимала пальцы с покрашенными ноготками.

Ноготки были розовыми, глянцевыми и немного торчали из пляжных шлепанцев, которыми Глафира загребала воду из луж. Она покрасила ногти на руках и ногах розовым лаком, потому что они с Владимиром Разлоговым собирались на море.

— Что-то устал я, — сказал он, приехав однажды с работы, — сил моих нет. Поедем на море?

— Поедем, — согласилась Глафира.

Надо отдать ему должное, приличий он никогда не нарушал — своих барышень в дом не водил и на курорты с ними не таскался. Мало ли, вдруг там знакомые, на курорте-то?!

Глафира покрасила ногти розовым лаком, купила дикие леопардовые босоножки и сарафанчик с бретельками в «цветах сезона», чтобы не ударить лицом в грязь и не подвести Владимира Разлогова — вдруг там знакомые, на курорте-то!

Осень дунула ей в лицо, как будто припудрила дождевой пылью. Глафира зажмурилась и потрясла головой, словно усталая лошадь. На участке никого не было, Глафира выставила всех вон. Можно

никого не опасаться, не «делать лицо»! Она шагнула с дорожки в пожухлую мокрую траву и пошла, загребая шлепанцами.

Сосны шумели в вышине неодобрительно, гулким осенним шумом.

Наверное, нужно уехать в город. Наверное, следовало сделать это сразу после того, как она вернулась... *оттуда*. Наверное, не стоит бродить по лужам в нелепых леопардовых пляжных босоножках!..

Глафира дошла до сосны, положила обе руки на ее мокрый темный шершавый бок, подняла голову и долго смотрела вверх. Когда голова закружилась, перестала смотреть.

Владимир Разлогов поступил с ней ужасно. Впрочем, не с ней одной! Ему наплевать на окружающих! То есть было наплевать, конечно. Вот и работа компании «Эксимер» парализована!

Тут Глафира засмеялась, и смеялась довольно долго. Хорошо, что она выставила всех вон и никто не слышит, как она смеется! А что прикажете делать?.. Плакать, что ли?!

Телефон зазвонил, и она удивилась — ей казалось, что в этой странной, другой жизни, где она бродит в пляжных шлепанцах по осеннему саду, телефон звонить не должен. Хотя он только и делал, что звонил, и каждый раз она вяло удивлялась.

— Але?

— Глафира Сергеевна, Дремов беспокоит. Разрешите прежде всего выразить вам глубочайшие соболезнования по поводу кончины нашего дорогого...

Очень дорогого, вставила Глафира беззвучно. Наш дорогой — бриллиантовый! — Разлогов столько тебе платил, что впору не соболезнования выражать, а пойти и повеситься.

Но Дремов, по-видимому, вешаться не собирался, был печально деловит и трагически озабочен.

— Глафира Сергеевна, всей душой осознавая, как вам тяжело, я все же хотел бы, чтоб вы обозначили — хотя бы прикидочно! — сроки, в которые мы с вами можем встретиться.

Глафира вновь подняла голову и смотрела на сосны, которые все качались и качались в вышине, а юрист все гудел и гудел в трубке, безостановочно, как овод над коровьим хвостом.

— ...некоторые обстоятельства! Боюсь, вам придется лично заниматься этим вопросом или делегировать полномочия...

В конце концов Глафире он надоел, и она попыталась остановить басовитое гудение.

— Это срочно?

Овод, совсем было пристроившийся к коровьему хвосту, неожиданно смолк. Глафира ждала. Овод помалкивал настороженно, ворочался на том конце телефонной линии, топырил слюдяные крылья.

— Глафира Сергеевна, я не смею настаивать, понимая ваше состояние...

Состояние в мильон, беззвучно добавила Глафира.

— ...но тем не менее хотелось бы повстречаться в обозримые сроки. Дело в том, что у Владимира Андреевича, к сожалению, остались незавершенные дела. Его кончина была столь неожиданной...

— Через две недели, — твердо сказала Глафира. — Ваши дела терпят две недели?

— Две недели?! — ужаснулся юрист и опять загудел, как овод: — Голубчик, это слишком долго, невозможно долго! Поймите, при всем сочувствии к вам я не могу столько ждать...

— Две недели, — повторила Глафира твердо. — Раньше я не могу.

Подумала и добавила, подпустив в голос слезинку:

— Он же умер! Понимаете, умер!

Это прозвучало на редкость фальшиво, но овод-Дремов никакой фальши не заметил.

Интересно, что за проблемы были у моего благоверного, равнодушно подумала Глафира, распрошавшись с юристом. И как они меня касаются?..

Телефон опять зазвонил, и она опять вяло удивилась.

— Глаша, это я, — произнес ей в ухо Андрей. — Глаша, я только прилетел, я ничего не знал! Вот сейчас в «Новостях»...

Глафира слушала и кивала, как будто он мог ее видеть.

Ну конечно, не знал. Ну конечно, только прилетел. Ну конечно, «держись, хорошая моя девочка»!

Я держусь. Собственно, ничего не происходит.

— Как ты там, маленькая? Как ты... пережила?

— Что, Андрюш?

— Да все! Похороны, речи, всю эту... чушь соба-чью?

— А ничего не было.

— Как... не было?

— Так, не было. Его увезли в Иркутск, он же оттуда родом, и все. На похоронах никого не было, я не разрешила. Я... только что вернулась.

— Почему ты мне не позвонила?! Я бы сразу прилетел. С кем ты там, Глаша? И где?!

— На даче.

— Почему не в Москве?! Он же, насколько я понял, как раз на даче и... и ты там...

— Я здесь, — согласилась Глафира.

Почему-то именно сейчас, «в эту трудную минуту», как пишут в плохих романах, ей не хотелось с ним разговаривать.

— Я немедленно приеду, — решительно заявил

Андрей, разговаривать с которым ей нынче почему-то не хотелось, — это ужасно, что ты там одна! Можно мне приехать?..

Если бы он не спросил, она бы не сопротивлялась, конечно. В конце концов, надеяться ей больше не на кого, только на него, на Андрея! Но он зачем-то спросил — можно? — и она ответила:

— Нет.

Он опешил:

— Что — нет?

— Нет — значит нет, — пояснила Глафира безмятежно. — Нет — значит не приезжай, Андрюша.

Он помолчал, и молчание его выражало недоумение и огорчение. Он умел хорошо, выразительно молчать.

— Глаша, — начал он осторожно, — что происходит?

Ей стало смешно, и она засмеялась. Вот действительно!.. Что происходит?..

— Ничего не происходит, — сказала она весело. — Просто у меня муж помер, и я его только что похоронила... Я как раз с похорон прилетела, я тебе об этом уже сообщила!

— Я не виноват, что он помер, Глаша.

— Конечно, нет, — успокоила его она, спохватившись.

Раз от раза она как будто забывала эту его черту и потом вспоминала — с огорчением. Во всем и всегда он искал виноватых, кажется, с единственной целью — установить, что он не виноват. Никогда. Ни в чем.

— Никто не виноват, Андрюша, — повторила Глафира задумчиво. — Я одна виновата.

— Ты что, с ума сошла?! Чокнулась от горя?! Ты-то в чем можешь быть виновата?!

— Да во всем, — твердо сказала Глафира, и он через свою трубку, прижатую к уху, вдруг почувст-

вовал, как далека она от него и как стремительно удаляется, исчезает, вот-вот совсем исчезнет.

Он не обладал чрезмерным воображением, но эту картину увидел *всерьез, на самом деле*, и она его напугала.

Что он станет без нее делать?! Как жить?! Чем и для чего?!

Сделав над собой усилие, он разогнал туман, в котором она исчезала.

Какая-то чепуха на постном масле. Почему он должен что-то такое делать... без нее?! В конце концов, никаких препятствий теперь вовсе не осталось. Муж — главное препятствие! — взял да и помер, неожиданно для всех. Это он хорошо придумал. Освободил. Разрубил узлы.

Мысль была настолько... стыдной, что Андрей заговорил быстро и горячо:

— Короче, я сейчас приеду! Чего там сидеть, на этой даче! Я тебя отвезу к маме, по дороге мы где-нибудь поедим, и ты мне все расскажешь.

— Андрюш...

— Надо было сразу мне позвонить, я бы прилетел!

— Ты это уже говорил.

— Глафира! Что с тобой?!

— Ты это уже спрашивал.

Он растерялся. Переговоры зашли в тупик. Вернее, пошли по кругу. Это он уже говорил, а об этом уже спрашивал...

— Короче, я сейчас буду, — объявил он, запутавшись между кругами и тупиками.

За спиной у Глафиры вдруг что-то с силой бабахнуло так, что эхо прокатилось над соснами, она вздрогнула и уронила телефон со смятым Андреевым голосом внутри.

И медленно оглянулась.

Странное дело. Дверь на террасе, двустворчатая,